
РАКУРСЫ

С.Н. ШКЕЛЬ, В.Д. ДМИТРИЕВА, А.Ю. ШВАЯ*

**ФАКТОРЫ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО МНОГООБРАЗИЯ
РЕГИОНОВ РОССИИ: СЛУЧАЙ ПЕРЕХОДА
НА ОДНОУРОВНЕВУЮ МОДЕЛЬ МЕСТНОГО
САМОУПРАВЛЕНИЯ В 2020–2025 ГОДАХ¹**

Аннотация. Последний раунд муниципальной реформы в России планировался как очередной этап централизации и унификации институционального дизайна страны. Однако практическим итогом реформы стало сохранение институционального многообразия регионов на локальном уровне. В статье выявлены основные факторы, которые обусловили выбор региональными элитами конкретной модели муниципального устройства (одноуровневой или двухуровневой), и представлено теоретическое объяснение этой вариации. Исследование проведено с помощью сравнительного анализа двух российских регионов (Ярославской области и Республики Дагестан), которые демонстрируют разные модели организации муниципальной власти. Эмпирической базой выступают 30 полуструктурированных экспертных интервью. Анализ собранных данных позволил выявить три ключевых фактора, определивших выбор институциональной модели муни-

* **Шкель Станислав Николаевич**, доктор политических наук, доцент, ведущий научный сотрудник сектора социологии власти и гражданского общества, Социологический институт РАН – филиала ФНИСЦ РАН (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: stas-polit@yandex.ru; **Дмитриева Валерия Денисовна**, младший научный сотрудник сектора социологии власти и гражданского общества, Социологический институт РАН – филиала ФНИСЦ РАН (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: ms.valeria.spb@mail.ru; **Швая Андрей Юрьевич**, младший научный сотрудник сектора социологии власти и гражданского общества, Социологический институт РАН – филиала ФНИСЦ РАН (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: andrewshvaya@gmail.com

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-02310, «Асимметричная рецентрализация: логика частичных реформ на местном уровне в современной России» (<https://rscf.ru/project/25-28-02310/>)

© Павлова Т.В., 2026

DOI: 10.31249/poln/2026.03.09

ципального устройства: поселенческий, этнокультурный и экономический. В статье не только систематизированы эти факторы, но и раскрыты причинно-следственные механизмы их влияния на исход реформы в виде выбора модели местного самоуправления в рассматриваемых регионах. Полученные результаты раскрывают логику проводимых в России институциональных реформ, а также вносят вклад в более широкую научную дискуссию о главных причинах и детерминантах асимметричного институционального дизайна современных государств.

Ключевые слова: политические институты; институциональный дизайн; институциональные реформы; субнациональная политика; локальная политика; муниципальное управление; регионы России.

Для цитирования: Шкель С., Дмитриева В., Швая А. Факторы институционального многообразия регионов России: случай перехода на одноуровневую модель местного самоуправления в 2020–2025 годах // Политическая наука. – 2026. – № 3. – С. 177–205. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2026.03.09>

Введение

Современные государства демонстрируют широкое многообразие форм институционального дизайна как на национальном, так и на субнациональном и локальном уровнях. Эта институциональная диверсификация во многом стала результатом децентрализации, которая в период 1970–1990-х годов затронула большинство стран и регионов мира. С середины 2000-х годов разного рода кризисные явления (от финансового кризиса 2008 года до пандемии и эскалации геополитических конфликтов) привели к смене тренда и переходу государств к политике рецентрализации [Dickovick, 2011; Lopez-Murcia, 2022]. Тем не менее во многих случаях усилия центрального правительства по ликвидации институционального многообразия и унификации регионов имеют лишь ограниченный результат. Довольно часто итогом такой политики становится асимметричная централизация, при которой части регионов удается сохранить специфику своего институционального устройства и отстоять более высокий в сравнении с другими регионами уровень автономии во взаимоотношениях с центром [Meguid, 2024].

Исходы в виде асимметричной централизации породили научную дискуссию о причинах этого явления и главных факторах, обуславливающих сохранение институционального многообразия даже в высокоцентрализованных государствах. Если рассматривать центральное правительство как рационального игрока, стремящегося максимизировать выгоду и минимизировать издержки, то исход в виде асимметричной централизации выглядит довольно парадоксальным. Логично предположить, что при проведении

политики централизации государство стремится к полной унификации своего институционального дизайна. Однако реальность демонстрирует иные исходы, при которых центральное правительство часто вынуждено сохранять институциональные параметры и / или определенные привилегии отдельных регионов. Это противоречие между теоретическим ожиданием и эмпирическим опытом актуализирует *исследовательский вопрос*: какие факторы обуславливают сохранение институционального многообразия регионов даже в период политики централизации?

Настоящая статья предлагает ответ на обозначенный вопрос, внося вклад в научную дискуссию о логике асимметричной централизации. На основе изучения эмпирического опыта муниципальной реформы 2020–2025 годов утверждается, что возможными объяснительными переменными сохранения институционального многообразия на субнациональном и локальном уровнях в России могут быть факторы структурного порядка: поселенческий, этнокультурный и экономический. Эти факторы задают различные констелляции ограничений и возможностей, которые обуславливают выбор институциональной модели муниципального устройства. Совокупность этих факторов создает специфический контекст с разным уровнем политических рисков для региональных элит при проведении реформы. В случае, когда эти риски высоки, глава региона предпочитает отказаться от реформы или затягивать ее, сохраняя двухуровневую модель муниципального устройства. Напротив, при отсутствии таких рисков глава региона оперативно приступает к реформе и запускает переход на одноуровневую модель. Ниже, после обзора литературы и описания исследовательского дизайна, раскрываются причинно-следственные (каузальные) механизмы влияния указанных факторов на материалах сравнительного анализа Ярославской области и Республики Дагестан.

Факторы институционального многообразия территориально-административного устройства современных государств

Тематика институциональных порядков является крайне значимой в социальных науках. Вопросы многообразия политических институтов обсуждаются в рамках теории и практики федерализма, а также научной дискуссии о преимуществах и недостатках децентрализованных (федеративных) и централизованных (унитарных)

систем [Watts, 2008]. Ученые анализировали эти системы с точки зрения административной и экономической эффективности [Elazar, 1987; Oates, 1972; Rodden, 2010; Weingast, 1995; Stepan, 1999; Brancati, 2006; Erk, 2008; Treisman, 2007; Каспэ, 2000], национальной консолидации и минимизации рисков сепаратизма [Лейпхарт, 1997; Roeder, 2007; Hale, 2008; Тишков, 2001; Фарукшин, 2004; Гаджиев, 2018]. Позже появилась теория многоуровневого управления, отказавшаяся от дихотомии «федерализм – унитаризм». Согласно этому подходу, на современном этапе любое центральное правительство вынужденно взаимодействовать как с вышестоящими (наднациональными), так и с нижестоящими (субнациональными) институтами. Поэтому проблема институционального многообразия не сводится к выбору формы государственного устройства, а обусловлена множеством факторов, которые требуют изучения [Hooghe, Marks, 2003].

Теория многоуровневого управления подчеркивает комплексный характер взаимоотношений между институтами центрального правительства и субнациональными акторами (регионами, муниципалитетами и большими городами), которые могут сопротивляться политике центра. Этот теоретический подход, разработанный в контексте децентрализации, продолжает применяться и для изучения причин централизации. Ученые, изучающие эти процессы, объясняют сохранение институционального многообразия на региональном уровне двумя факторами. Во-первых, различия в политическом весе (субъектности) субнациональных единиц приводят к вариациям их взаимоотношений и договоренностей с центральным правительством. Во-вторых, изменение интересов и политики самого центрального правительства может выражаться в уступках отдельным регионам и, соответственно, в асимметричности итогов централизации [Aksztejn et al., 2022].

При этом политика центра может иметь экономическую или политическую логику. В первом случае институциональное многообразие обусловлено масштабом существующих на региональном уровне экономических проблем. Правительство проводит централизацию лишь в наиболее проблемных регионах, сохраняя прежний уровень автономии и институциональный дизайн в экономически успешных регионах. Во втором случае институциональное многообразие связано с интересами правящих элит. Поскольку расширение автономии, как правило, находит одобрение среди регионального населения (избирателей), предложения по децентрализации могут использоваться инкумбентами для преодоления

негативных электоральных трендов. Однако эти предложения выдвигаются только в тех регионах, где электоральные проблемы правящих элит становятся особенно очевидными [Meguid, 2024].

Россия, которая на протяжении всего постсоветского периода сохраняет свое институциональное многообразие, привлекает внимание исследователей, изучающих этот социально-политический феномен. Ученые анализируют институциональный дизайн современной России как с точки зрения федерализма, центр-региональных отношений и проблематики этнофедерализма [Ross, 2002; Stoner-Weiss, 2006; Sharafutdinova, 2011; Graney, 2010; Reisinger, Moraski, 2017; Пантин, Лапкин, 2015], так и с фокусом на муниципальный уровень власти [Lankina, 2006; Туровский, 2015]. В обоих случаях исследователи отмечают несоответствие между формально-правовыми положениями о разграничении полномочий между уровнями власти и политическими реалиями. В то время как российское законодательство декларирует федерализм и широкую автономию местного самоуправления, межбюджетные отношения и управленческие практики указывают на довольно высокий уровень централизации, особенно после административной реформы 2004 года [Kahn, 2002]. Хотя ученые предложили ряд объяснений политики централизации [Treisman, 1999; Golosov, 2011], причины сохранения институционального многообразия в современной России исследованы недостаточно.

Важной проблемой представляется то, что все существующие теории факторов институционального многообразия разработаны и обоснованы на материалах западных стран, контекстуальные и политические параметры которых сильно отличаются от России. Вопрос о релевантности подобных теоретических объяснений для российского случая остается открытым. В частности, это касается факторов сохранения институционального многообразия России в результате муниципальной реформы 2020–2025 годов. Опыт последнего раунда муниципальной реформы, кроме редких исключений [Никовская, Якимец, 2024; Шкель, 2025], не нашел должного отражения в научной литературе. Между тем его изучение может не только прояснить логику политического процесса в России, но и внести теоретический вклад в общую проблематику причин асимметричной централизации и факторов диверсификации институциональных порядков.

Случай России: муниципальная реформа 2020–2025 годов

Период 1990–2000 годов в России характеризовался трендом децентрализации, что способствовало развитию институционального многообразия как на региональном, так и на локальном уровнях. На практике это выражалось в развитии федерализма и реализации Федерального закона 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ». Главным аспектом этого закона, который отражал концепцию Европейской хартии местного самоуправления, являлся переход всех регионов на двухуровневую систему муниципальной власти. Реализация закона привела к двукратному увеличению числа муниципальных образований (до 24,5 тыс.) и существенной институциональной диверсификации регионов России.

Примерно с 2000 года обозначилась смена тренда. После 2010 года централизация, начавшаяся с институциональной унификации региональных структур власти, затронула также локальный уровень. Это стало очевидным в 2020 году, после принятия поправок в Конституцию РФ. Одна из них провозглашала учреждение в России «единой системы публичной власти», что означало интеграцию муниципальной власти в единую вертикаль. В декабре 2021 года в российский парламент был внесен законопроект о местном самоуправлении, призванный реализовать указанную поправку. Предполагалось, что все регионы России откажутся от двухуровневой модели муниципального управления, ликвидировав администрации на уровне городских и сельских поселений¹. Закон был принят Государственной думой РФ в первом чтении в январе 2022 года, но вызвал бурную дискуссию, в том числе в экспертном сообществе [Никовская, Якимец, 2024]. Окончательно Федеральный закон 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» был принят в марте 2025 года, но только после существенной корректировки. В частности, следуя пожеланиям ряда регионов, депутаты отменили обязательный переход к одноуровневой системе муниципально-

¹ Следует отметить, что муниципальная реформа последних лет включает и другие институциональные преобразования: от моделей избрания глав муниципальных образований до перераспределения полномочий между местным и региональными уровнями власти. Однако в фокусе данного исследования находится именно вопрос перехода от двухуровневой к одноуровневой модели местного самоуправления.

го устройства, оставив за регионами право самим определять оптимальную модель.

В марте 2026 года двухуровневая модель муниципальной власти продолжает действовать в 16 регионах, а переход к одноуровневой модели, запущенный после принятия закона в первом чтении, завершен лишь в 15 регионах России¹. Соответственно, муниципальную реформу 2020–2025 годов можно рассматривать как классический случай асимметричной централизации, итогом которой оказалось сохранение институционального многообразия на региональном уровне. В данном контексте возникает вопрос: почему одни регионы выступили против реформы, а другие реализуют ее без промедлений?

Исследовательский дизайн, методы и данные

Первым шагом в ответе на обозначенный вопрос становится изучение российских регионов, демонстрирующих разные подходы к проведению муниципальной реформы. Как было указано выше, значимой проблемой предметного поля исследования является ограниченное число теорий, объясняющих причины институционального многообразия регионов в условиях централизации. Две главные теории – экономическая и политическая – сфокусированы на анализе демократических систем и не принимают во внимание особенности других режимных типов. Поэтому выявление факторов институционального многообразия в современной России требует интенсивного сравнения отдельных случаев (регионов), направленного на генерацию новых гипотез с учетом специфического политического контекста. Реализация данной задачи обуславливает выбор индуктивной исследовательской стратегии, то есть проведение полевого исследования для сбора качественных данных. Используется «метод обоснованной теории» (grounded theory method), важнейший принцип которой заключается в сборе и анализе качественных данных без предварительного формулирования гипотез и принятия теоретических допущений [см. подробнее: Glaser, Strauss, 2012]. Такой подход позволяет избежать влияния существующих теорий и актуализирует выработку новых гипотез, более релевантных для исследуемых случаев. Опираясь на указанные методологические принципы, был собран эмпирический материал (эксперт-

¹ Подсчитано авторами на основании данных из открытых источников.

ные интервью) в двух российских регионах: Ярославской области и Республике Дагестан.

Выбор случаев объясняется поисковым характером исследования и необходимостью генерации эмпирически обоснованных гипотез. Важно было не просто умозрительно выделить факторы институционального многообразия, но продемонстрировать влияние каждого фактора на дифференциацию российских регионов по выбранным ими моделям муниципального устройства. В сравнительных исследованиях с малыми выборками убедительность описания каузального механизма во многом определяется наглядностью эмпирических примеров, которую проще обнаружить в диаметрально противоположных случаях. При этом генерация новых гипотез, в отличие от тестирования ранее сформулированных, требует максимального отличия случаев не только по основным независимым, но и по зависимой переменной. Как следствие, оптимальной оказывается стратегия бинарного сравнительного анализа контрастных, или «многообразных» (*diverse-case method*) случаев [см. подробнее: Gerring, 2007, p. 97–101]. Ярославская область и Республика Дагестан идеально соответствуют указанным требованиям. Они являются контрастными как по основным контекстуальным характеристикам (независимым переменным), так и по исходу муниципальной реформы (зависимой переменной) (см. табл. 1). В то время как Ярославская область с 1 января 2026 года полностью перешла на одноуровневую модель местного самоуправления, Республика Дагестан до сих пор сохраняет двухуровневую модель.

Сбор данных осуществлялся в период с декабря 2025 по март 2026 года посредством метода полуструктурированных экспертных интервью. Всего проведены 30 интервью, в том числе 18 интервью с информантами из Ярославской области и 12 – с представителями Республики Дагестан. Информантами выступили преподаватели, исследователи, служащие региональной и муниципальной администрации, депутаты регионального и муниципального уровней, а также представители СМИ и общественных организаций. Необходимо подчеркнуть, что количество информантов не связано с принципами репрезентативности. В отличие от количественных методов, в качественной методологии при проведении опросов главным критерием для определения достаточного числа респондентов выступает степень содержательного (информационного) насыщения данных. Другими словами, мы проводили интервью в регионах до тех пор, пока не стали получать повторяющиеся данные, которые уже не позволяли генерировать новые гипотезы.

Этим объясняется разница в числе информантов в двух исследуемых регионах. Более подробная информация о собранных данных и распределении информантов по сферам деятельности содержится в табл. 2 и Приложении 1.

Таблица 1

Основные социальные индикаторы Ярославской области и Республики Дагестан¹

Индикаторы	Случай	
	Ярославская область	Республика Дагестан
Численность населения (чел.)	1,18 млн	3,2 млн
Доля городского населения (%)	83	45
Доля сельского населения (%)	17	55
Количество муниципальных образований	19	762
Муниципальные районы	0	41
Муниципальные округа	17	0
Городские округа	2	13
Городские поселения	0	7
Сельские поселения	0	701
Этнический фактор	Моноэтничность	Полиэтничность
Доля русских (%)	96	3
Доминирующая религия	Православие	Ислам
Модель муниципального устройства	Одноуровневая	Двухуровневая

Таблица 2

Распределение информантов экспертных интервью по регионам и сферам деятельности

Сфера деятельности	Информанты (чел.)		Всего
	Ярославская область	Республика Дагестан	
Преподаватель / исследователь	3	4	7
Представитель СМИ	1	1	2
Служащий региональной администрации	3	1	4
Служащий муниципальной администрации	3	1	4
Депутат региональной легислатуры	4	2	6
Депутат муниципального образования	2	0	2
Член общественной палаты или организации	2	3	5
Всего	18	12	30

Предваряя анализ эмпирических данных, следующая часть статьи рассматривает основные этапы политического развития

¹ Базы данных показателей муниципальных образований // Федеральная служба государственной статистики. – Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/munst.htm> (дата посещения: 23.03.2026).

двух исследуемых регионов в постсоветский период. Это необходимо для общего понимания их политического и институционального контекста.

Политическое развитие Ярославской области и Республики Дагестан в постсоветский период

Несмотря на то что рассматриваемые регионы различаются по целому ряду параметров, в их политическом развитии можно найти сходные черты. Основные этапы политической эволюции обоих регионов соответствуют общероссийским трендам. С начала 1990-х до середины 2000-х годов региональная политика характеризовалась плюрализмом и довольно высоким уровнем конкуренции, что во многом было следствием децентрализации и общей слабости федерального правительства. Однако с начала 2000-х годов федеральным центром был запущен процесс рецентрализации. Результатом предпринятых политических и административных реформ стало сокращение автономии российских регионов, их институциональная унификация. Обозначенные этапы политического развития страны получили собственное преломление в двух исследуемых регионах.

На этапе децентрализации (1990–2000) уровень политического плюрализма и конкуренции в Ярославской области и Республике Дагестан заметно отклонялся от среднероссийских показателей. Оба случая демонстрировали довольно высокую фрагментацию региональной элиты, фракции которой находились в постоянном политическом противодействии. Вместе с тем природа подобной конкуренции и механизмы разрешения внутриэлитных конфликтов сильно отличались.

Республика Дагестан является самым многонациональным субъектом Российской Федерации, где проживает более 30 коренных этносов и свыше 110 других этнических групп. В данном случае фрагментация элит обусловлена полиэтничностью региона и отсутствием доминирующей этнической группы. Рост межэтнической напряженности, затронувший в 1990-е годы республики Северного Кавказа, привел к открытым столкновениям во многих из них. Однако специфическая институциональная инженерия позволила Дагестану избежать такого негативного сценария. В отличие от большинства национальных республик, Дагестан не стал учреждать институт президентства и в 1994 году создал систему кол-

лективного управления во главе с Государственным советом. Этот высший исполнительный государственный орган власти включал 14 членов и формировался по квотному принципу: в его состав не могло входить более одного представителя от одной этнической группы. Фактически в тот период Дагестан реализовал институциональную модель «консоциального» (сообщественного) управления, функционирующего на базе пропорционального и квотного представительства основных этнических групп, широкой автономии местных сообществ и отказа от всех форм мажоритаризма (см. подробнее: [Лейпхарт, 1997]).

Государственный совет выступал институциональной площадкой для разрешения меж- и внутриэлитных противоречий, выработки единой позиции этнических фракций по главным политическим вопросам. Как следствие, Дагестан проводил консолидированное взаимодействие с федеральными политическими игроками, но при этом сохранял высокий уровень плюрализма в локальном контексте. Государственный совет был распущен в 2006 году вследствие политики централизации. Весь период существования его возглавлял Магомедали Магомедов. Несмотря на столь длительное пребывание на высшей властной позиции, он не смог подавить фрагментацию региональных элит. Вместе с тем в реальной практике политический плюрализм активно проявляет себя скорее на локальном, чем на региональном уровне. Именно муниципальные выборы традиционно отличаются высокой конкурентностью и непредсказуемостью результатов. Напротив, федеральные выборы, как правило, характеризуются высокой электоральной поддержкой инкубентов.

Ярославская область также всегда отличалась политическим плюрализмом и фрагментацией региональных элит. Однако в условиях моноэтничности и высокого уровня модернизации главные политические расколы оказались связаны не с традиционными локальными сообществами, а с концентрацией разных групп бизнес-элиты. Ярославская область является одним из самых урбанизированных и промышленно развитых субъектов Российской Федерации. Информанты подчеркивают наличие в регионе соперничающих экономических игроков: от машиностроительных предприятий «Автодизель» (город Ярославль) и «ОДК-Сатурн» (город Рыбинск) до крупных агропредприятий «Волжанин» и «Красный маяк» (Рыбинский и Ростовский муниципальные округа). Отраслевая и территориальная дифференциация региональных бизнес-групп, часть которых – например Ярославский радиозавод – входит в структуру госкорпораций, обуславливает неодинаковую направленность их

экономических и политических интересов. Директорат основных промышленных предприятий, активно участвовавший в политике на региональном и местном уровнях, инвестировал в разные политические партии. На этапе децентрализации это приводило к значительной представленности оппозиционных сил как в Ярославской областной думе, так и в муниципальных советах больших городов. Выборность мэров Ярославля и Рыбинска также повышала фрагментацию региональных элит, создавая дополнительные центры политической конкуренции. Как и в случае Дагестана, первый постсоветский глава региона Анатолий Лисицын, который занимал пост губернатора Ярославской области с 1991 по 2007 год, не сумел преодолеть политический плюрализм, имевший структурные основания.

В отличие от Дагестана, политическая конкуренция в Ярославской области не ограничивается локальным уровнем, а распространяется и на федеральные выборы. Область считается одним из самых неудобных (оппозиционных) регионов для «Единой России» и других федеральных инкубентов. Фрагментация региональных элит при доминировании городского населения, которое тяжело поддается административному электоральному контролю, обуславливает высокую долю протестного голосования. Как следствие, политические партии делают большой акцент на узнаваемости выдвигаемых кандидатов. В этом отношении показателен пример думской кампании 2021 года, во время которой обладающий значительным политическим капиталом экс-губернатор А. Лисицын совершил переход из партии власти в «Справедливую Россию»¹.

Этап централизации (2000 – н. в.) запустил процессы институциональной унификации и сокращения уровня политической конкуренции в российских регионах. В Дагестане это выразилось в упразднении Государственного совета, введении поста главы республики и практики назначения на эту должность политиков, не имеющих явных связей с регионом (аутсайдеров, или «варягов»). Первым таким прецедентом стало назначение в 2017 году Владимира Васильева временно исполняющим обязанности главы Республики Дагестан. Сегодня регионом руководит Федор Щукин,

¹ Однако в марте 2026 года А. Лисицын объявил о намерении участвовать в праймериз партии «Единая Россия». См.: Экс-губернатор Ярославской области выходит из «Справедливой России» // Коммерсантъ. – 17.03.2026. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/8514355> (дата посещения: 21.03.2026).

который также строил свою карьеру вне Дагестана. Схожие тенденции наблюдаются и в Ярославской области, где в 2017 году впервые пост губернатора занял федеральный чиновник Дмитрий Миронов. В настоящее время регионом управляет Михаил Евраев, который до вступления в должность также работал в федеральном центре.

Таким образом, на современном этапе развития основные политические параметры Ярославской области и Республики Дагестан имеют скорее больше общих, чем различных черт. В обоих случаях приход новых глав, не имеющих тесных связей с регионом, ознаменовался ротацией региональных и местных элит, интеграцией в региональное политическое пространство внешних элитных групп, сокращением автономии локальных сообществ, подавлением очагов оппозиционности и переходом от переговорно-консенсусной к директивно-административной модели управления. Опрошенные эксперты из обоих регионов убеждены, что в текущих условиях региональные главы в большей степени зависимы от федерального центра, чем от региональных элит и населения. Это позволяет им игнорировать интересы местных политических игроков и директивно проводить реформы, спущенные «сверху». Однако данный факт задает исследовательскую загадку: почему при сходных политических параметрах главы регионов выбирают разные стратегии реализации муниципальной реформы? Почему губернатор Ярославской области в краткосрочный период с апреля 2024 по январь 2026 года завершил эту реформу, а власти Дагестана взяли паузу, сохранив статус-кво и двухуровневую модель муниципального устройства? Как показал анализ собранных качественных данных, ответы на эти вопросы лежат в плоскости социально-структурных факторов, которые задают разную констелляцию возможностей и ограничений для губернаторов.

Анализ данных и основные результаты исследования

Важнейшей задачей сбора и анализа данных являлся поиск основных объяснений выбора той или иной модели местного самоуправления в регионах России. На базе этих объяснений были сгенерированы гипотезы о факторах, обуславливающих различия в стратегиях реализации муниципальной реформы. Сформулированные гипотезы, в свою очередь, необходимы для создания теоретической рамки, раскрывающей причинно-следственные связи меж-

ду выявленными факторами и конечным исходом в виде выбора конкретной модели муниципального устройства. Первичный анализ данных показал, что при объяснении вариации в проведении муниципальной реформы отчетливо выделяются три фактора: поселенческий, этнокультурный и экономический.

Поселенческий фактор. Первое и наиболее очевидное объяснение различных исходов реформы связано с особенностями поселенческой структуры регионального населения. Практически все информанты подчеркивают, что муниципальная реформа оказывает неодинаковое влияние на городских и сельских жителей. Серьезной проблемой люди считают плохую транспортную доступность районных центров, которые часто расположены далеко от сельских поселений. Это приводит к дополнительным издержкам для местного населения, представители которого в случае ликвидации поселенческих администраций будут вынуждены ездить в районный центр для получения разного рода государственных услуг. Однако для городских поселений, где проблема транспортных коммуникаций не является острой, такие беспокойства не актуальны. Логично предположить, что высокая доля сельского населения и большое количество сельских поселений выступают значимым фактором, который существенно затрудняет переход на одноуровневую модель. В данном ракурсе Ярославская область и Республика Дагестан представляют диаметрально противоположные случаи. Если Ярославская область – это высокоурбанизированный регион, где доля сельских жителей не превышает 17%, то в Дагестане большая часть населения (55%) проживает в сельской местности. Не менее важно и различие в количестве сельских поселений. Если в Ярославской области на старте реформы их было всего 67, то в Дагестане их число в 10 раз выше и в настоящее время составляет около 700 единиц (см. табл. 1).

Информанты из Ярославской области вполне консолидированно акцентируют малозначительную роль, которую в регионе играет село. Сегодня в Ярославской области сельские поселения не имеют ни политического веса, ни экономических ресурсов. В целом достаточно сложно говорить об их позитивном развитии. Рост безработицы и снижение численности населения, обусловленные внутри- и межрегиональной центростремительной миграцией, являются для села ключевыми трендами.

«У нас сельские районы крайне малонаселенные. На уровне сельских поселений нет ни людей, ни ресурсов. Извините, но там

даже в выборах часто некому участвовать, чтобы обеспечить конкуренцию»¹.

Поэтому неудивительно, что издержки сельских жителей от муниципальной реформы легко могут быть проигнорированы региональной элитой, ориентирующейся прежде всего на общественные настроения горожан. В этом смысле более актуальной и острой проблемой становится проводимая в Ярославской области оптимизация социальной сферы (здравоохранения, образования и культуры)².

Дагестан наглядно демонстрирует различие в восприятии муниципальной реформы городскими и сельскими жителями. Ликвидация муниципалитетов первого уровня в столице республики Махачкале, проведенная еще в апреле 2025 года³, не вызвала никакой общественной реакции. Как отмечают информанты, данная реформа прошла практически незаметно. Однако намерение властей распространить этот опыт на сельские поселения породило сильное беспокойство людей. Информанты подчеркивают, что региональные власти следят за общественными настроениями и знают о довольно критическом настрое сельских жителей в отношении реформы. Некоторые эксперты считают это одной из главных причин задержки в ее реализации. Информанты, работающие в региональной администрации Дагестана, признают:

*«Сегодня действительно руководство республики взяло паузу в проведении реформы, и эта пауза обоснованна. В Дагестане более 700 сельских поселений и данная реформа – это очень масштабный процесс. Для республики этот вопрос непростой. Сейчас активно идет работа по изучению мнения населения»*⁴.

Особое место села в социальном развитии региона обусловлено как рассмотренными выше количественными показателями, так и острым дефицитом земли. Земельный вопрос остается наиболее конфликтным в республике, и его влияние на повседневную жизнь многих дагестанцев сложно переоценить [Ибрагимов, Егоров, 2014]. Поскольку земельные отношения в Дагестане напря-

¹ Информант № 13, преподаватель / исследователь, Ярославская область.

² Почти 4 тыс. человек сократили в соцсфере Ярославской области в прошлом году // Коммерсантъ. – 12.02.2026. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/8422659> (дата посещения: 21.03.2026).

³ В Махачкале упразднили районы внутри города // ТАСС. – 28.04.2025. – Режим доступа: <https://tass.ru/v-strane/23801519> (дата посещения: 21.03.2026).

⁴ Информант № 11, служащий региональной администрации, Республика Дагестан.

мую связаны с местным уровнем власти, муниципальная реформа может радикально изменить правила контроля над земельными угодьями. Формально землями в административных границах сельского поселения распоряжаются органы муниципальной власти в лице главы поселения и депутатов муниципального собрания. Однако в реальности ключевая роль в решении конкретных земельных вопросов отводится общине сельского поселения (джамаату). Этот социальный институт является не только общиной мусульман во главе с местным религиозным лидером (имамом), но и неформальным представительным органом всех жителей сельского поселения. Власть на локальном уровне оказывается распределена между несколькими игроками: главой поселения, имамом, влиятельными семьями и кланами (тухумами). Такая структура организации власти на местах ограничивает возможность непосредственного влияния районных и региональных властей на вопросы земельной политики.

«Я приведу один известный мне случай. Главу нашего поселения как-то вызывал к себе руководитель муниципального района и требовал подписать документ об изменении границ сельского поселения, чтобы передать соседнему поселению во владение водоем и решить там проблему водоснабжения. Глава отказался и в ответ получил прямые угрозы о том, что в его поселение будет направлена полиция и будет применена сила. Я это говорю просто для понимания того, какие бывают конфликты между главами сельских поселений и районной администрацией, как они решаются и почему для местного населения муниципальная власть на уровне сельского поселения так важна. Главы поселений, имея формальный статус, сегодня могут сопротивляться произволу районной власти, и для населения это очень важно»¹.

В настоящее время добиться согласия на подобные земельные сделки невозможно без одобрения большинства жителей села. Поэтому проведение реформы, предполагающей ликвидацию поселенческих органов муниципальной власти, воспринимается в контексте перехода земельного вопроса в ведение муниципальных округов, главы которых лишены зависимости от джамаатов. На практике это означает нарушение экономических интересов местных сообществ, а также сложившихся межэтнических отношений.

Этнокультурный фактор и роль локальной идентичности. Республика Дагестан является одним из самых полиэтнических

¹ Информант № 7, член общественной организации, Республика Дагестан.

регионов России. Хотя в целом, как и в других российских регионах, процесс формирования общерегиональной (дагестанской) идентичности в республике поступательно развивается, многообразие этнических групп и отсутствие одной доминирующей замедляют его завершение. Не менее важными оказываются другие виды социальной идентичности: религиозная, субэтническая, кровнородственная (клановая), локальная. Переплетаясь друг с другом, они образуют многоуровневую систему, в которой связь с сельской общиной (джамаатом) играет ключевую, структурирующую роль. Именно джамаат концентрирует все главные ценности и социальные отношения: родительский дом и историю предков, кровнородственные связи, семью.

«У нас в Дагестане всем известно, что за джамаат мужчина пойдет на все и если надо, то и с оружием в руках встанет на его защиту!»¹

Джамаат является пространственно-поселенческой и семейной, а также религиозной ячейкой, совпадающей с местом проживания одной этнической группы. Полиэтнические и многоконфессиональные джамааты для Дагестана редкость. Соответственно, связь с джамаатом и конкретной сельской общиной воспроизводит все базовые формы социальной идентичности дагестанцев. В отличие от многих регионов России, в Дагестане урбанизация не приводит к депопуляции села. Это объясняется как высоким уровнем рождаемости, так и приоритетным характером локальной идентичности. Информанты подчеркивают, что большинство дагестанцев, переезжая в города, сохраняют связь с родным селом (включая прописку) и джамаатом. Они не только оказывают финансовую помощь своим сельским родственникам, но и участвуют в муниципальных выборах на селе. В Дагестане именно выборы местного уровня отличаются высокой явкой и чрезвычайной конкурентностью. Поэтому реформа, которая может лишить джамаат контроля над распределением земли, вызывает у населения крайне негативную реакцию.

Таким образом, в Республике Дагестан муниципальная реформа затрагивает не только политико-административные вопросы и экономические интересы муниципальных элит, но и традиционный уклад жизни, базовые ценности населения (семью, религию, этническую гордость и пр.). Реформа получает специфическое преломление, охватывающее важные для дагестанцев морально-

¹ Информант № 12, член Общественной палаты, Республика Дагестан.

ценностные и эмоционально-психологические аспекты. Все это создает дополнительные риски в проведении реформы и обуславливает выбор региональной власти в пользу затягивания ее практической реализации.

Ярославская область представляет в этом смысле диаметрально противоположный случай. Моноэтничность, при которой русские образуют 96% населения, и высокий уровень урбанизации приводят к размыванию сельской (локальной) идентичности. Соответственно, более приоритетными оказываются национальная (общероссийская), этническая (русская), региональная и / или субрегиональная идентичности. В Ярославской области особый акцент делается на формировании региональной идентичности, отсылающей к богатой истории и культурному наследию Ярославии. Региональные власти активно работают с образами и слоганами, позволяющими позиционировать население области в виде единой социальной общности. Образный фонд, используемый в данном процессе, обширен и варьируется от традиционных символов – древнерусских князей, геральдических медведей и пр. – до таких современных брендов, как «Яавтобус». Возникнув в ходе транспортной реформы, он сделал букву «я» важнейшим элементом брендинга региона.

Согласно материалам интервью, единственным примером построения сильной субрегиональной идентичности выступает Рыбинск, известный своими стилизованными вывесками. Информанты отмечают, что выдвижение городом конкурирующего проекта идентичности обусловлено целым рядом факторов, среди которых большая концентрация и численность населения (второе место в области), высокий уровень экономического развития и политической автономии, включая выборность главы Рыбинска.

«И он вообще один из немногих городов у нас в стране, где до сих пор сохраняются прямые выборы. Это было связано с тем, что там был совет, неподконтрольный областной власти. Там были коммерсанты и так далее. <...> Плюс у нас был большой скандал с созданием городских округов. У нас Рыбинск не сделали городским округом. И у нас проводился в 2024 году референдум, у них там. Они голосовали за выход из района с сохранением статуса города. Потом у нас пытался то же самое сделать Тутаев. По-моему, Углич хотел. Но им уже не дали. Потому что Рыбинск опять же, он мог себе это позволить. Пролоббировать»¹.

¹ Информант № 24, служащий региональной администрации, Ярославская область.

Город Рыбинск, местные элиты которого достаточно успешно противопоставляют себя Ярославлю, является скорее исключением. Однако даже в этом случае субрегиональная общность формируется в рамках городской агломерации, не актуализируя локальную идентичность на уровне сельских поселений и, как следствие, не стимулируя сопротивление муниципальной реформе. В таком социальном контексте региональные элиты не имеют серьезных ограничений при переходе на одноуровневую модель местного самоуправления. Несмотря на наличие некоторых очагов недовольства, власти Ярославской области сумели справиться с ними посредством точечных переговоров, кооптации бывших глав поселений в окружные администрации и муниципальные учреждения.

«Конечно, был сложный очень период первый. Когда нужно было проводить публичные слушания, принимать решения муниципальных советов. И вот здесь, наверное, весь успех был в том, насколько мы активно с населением отработывали по территориям. И это при том, что позиция у некоторых глав (половины) отрицательная. <...> Но тем не менее, провели все публичные слушания и, собственно говоря, на финале у нас, наверное, такое активное сопротивление было в двух территориях. <...> При этом была поддержка со стороны губернатора. Губернатор вот с этими главами тоже общался лично. И это было тоже важно на том этапе»¹.

Проведенный сравнительный анализ случаев Ярославской области и Республики Дагестан дает основание утверждать, что муниципальная реформа и переход к одноуровневой модели местного самоуправления более релевантны для модернизированных регионов с высокими показателями урбанизации и индустриализации. Напротив, сохранение традиционных форм социальной жизни становится препятствием для проведения реформы. Одновременно полученные данные свидетельствуют о том, что взаимосвязь между традиционализмом и модернизацией носит комплексный характер. Актуальные экономические тренды могут не только разрушать или ослаблять, но и усиливать традиционные институты.

Экономический фактор и взаимосвязь между традицией и модернизацией. В настоящей статье под экономическим фактором понимаются те ключевые экономические тренды, которые домини-

¹ Информант № 29, служащий муниципальной администрации, Ярославская область.

руют сегодня на региональном уровне. В условиях внешних вызовов и ограничений (международных санкций и пр.), с которыми сталкивается Россия, происходит существенное переформатирование индустрии туризма. Как следствие, многие регионы делают ставку на продвижение внутреннего туризма, стремясь использовать возникший «туристический бум» для своего экономического развития. Оба рассматриваемых региона обладают значительным туристическим потенциалом. Республика Дагестан славится своей природой и этнокультурной спецификой, что создает объективные преимущества для развития экотуризма. Населенные пункты Ярославской области включены в популярный туристический маршрут «Золотое кольцо России», столицей которого выступает город Ярославль. Богатое историко-культурное наследие предоставляет региону несомненные преимущества с точки зрения развития туристической отрасли. Здесь важно подчеркнуть, что «туристический бум» оказывает неодинаковый, но иногда существенный эффект на поселенческий и этнокультурный факторы. Тем самым экономический фактор становится дополнительной переменной, влияющей на ход муниципальной реформы. Хотя такое влияние не является очевидным, многие информанты акцентируют эту взаимосвязь.

Наиболее наглядно действие экономического фактора обнаруживается в Республике Дагестан, где бурное развитие туризма тесно переплетается с земельным вопросом и муниципальным управлением. В отличие от Ярославской области, основные туристические достопримечательности которой сконцентрированы в нескольких городах, в Дагестане туристические маршруты распределены почти по всей территории республики и, как правило, пролегают через сельские районы. Поэтому если в Ярославской области развитие туризма проводится по модели «сверху вниз», то в Дагестане оно идет децентрализованно, при участии множества частных хозяйств, вовлеченных в туристический бизнес на местном уровне. В этом процессе правительство республики выступает не главным менеджером, а лишь одним из равных игроков.

Сельские поселения Дагестана и прежде активно развивались, но «туристический бум» последних лет запустил дополнительные драйверы экономического роста на селе. Сегодня туристическая инфраструктура появляется даже в сельских поселениях, которые расположены вдали от наиболее популярных туристических маршрутов.

«Я не была в Дагестане три года, но совсем недавно вернулась и меня просто поразили те изменения, которые произошли в

течение последних трех лет этого туристического бума. Даже в самых удаленных поселках теперь есть по два или три гостевых дома, строятся автомобильные стоянки, дороги и прочее. Теперь село для дагестанцев это не только символический, но и важный экономический ресурс»¹.

Указанный экономический фактор в еще большей степени повысил значимость села и социальных связей с джамаатом, поддержание которых способствует сохранению локальной идентичности и продвижению экономических интересов дагестанцев. Вопрос о переходе на одноуровневую модель приобрел особую остроту, поскольку ликвидация муниципальной власти на уровне сельских поселений затрагивает процесс принятия решений по развитию туризма и напрямую влияет на благосостояние людей, вовлеченных в туристический бизнес. В случае Дагестана современные экономические тренды не разрушают, а укрепляют локальные сообщества. Процессы модернизации в таком контексте сосуществуют с традиционными институциональными порядками.

Таким образом, в Республике Дагестан поселенческий и этнокультурный факторы усиливают свое влияние за счет экономических эффектов, вызванных «туристическим бумом». Этого не происходит в Ярославской области, развитие туристического потенциала которой носит более централизованный характер и контролируется региональной властью. Многие новые проекты, напрямую или опосредованно связанные с привлечением туристов, предполагают приток инвестиций в традиционные туристические локации. Примером служит проект по установке архитектурно-художественной подсветки, который реализуется по поручению губернатора и затрагивает знаковые объекты региона, расположенные преимущественно в городах. Слабость сельских поселений проявляется также в развитии событийного туризма. В течение нескольких месяцев в Ярославской области проходил инициированный губернатором фестиваль «Ярзима-2026». Каждые выходные проводились мероприятия, в рамках которых все муниципальные округа должны были представить творческие программы на площадках соседних муниципалитетов. Несмотря на идею объединения территорий через культурный обмен, практическая реализация проекта получила специфическое преломление. Как отмечает один из информантов, в условиях масштабной оптимизации бюджетной

¹ Информант № 2, преподаватель / исследователь, Республика Дагестан.

сферы «Ярзима» выступила скорее дополнительной нагрузкой на сельские учреждения культуры:

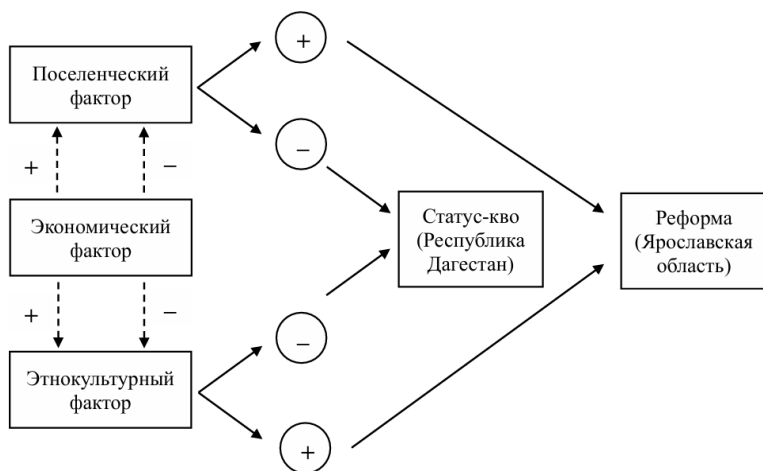
«Причем ее делают сокращенные в два раза сотрудники учреждений культуры. В каждом сельском доме культуры, который отремонтирован в том числе и по федеральной программе «Культура малой Родины», осталось по 0,1–0,2 ставки»¹.

Соответственно, при позиционировании Ярославской области в виде «созвездия 12 старинных городов» село не получает дополнительных драйверов экономического роста и, за исключением нескольких исторических поселений², его роль в туристической отрасли региона остается незначительной. Поселенческий и этнокультурный факторы, которые в случае Ярославской области не создают существенных препятствий для муниципальной реформы, оказываются вне влияния экономического фактора.

Резюмируя, можно сказать: поселенческий и этнокультурный факторы являются ключевыми для объяснения вариаций в выборе регионами стратегии реализации муниципальной реформы. Эти факторы могут создавать как позитивные (Ярославская область), так и негативные (Дагестан) условия для перехода к одноуровневой модели местного самоуправления. Именно поселенческий и этнокультурный факторы позволяют идентифицировать риски массового общественного недовольства. В свою очередь, экономический фактор является промежуточной независимой переменной, которая может усиливать или не изменять характер воздействия ключевых факторов. В схематическом виде причинно-следственные связи между тремя выделенными факторами и их влиянием на выбор стратегии проведения муниципальной реформы представлен на рис. 1.

¹ Информант № 26, депутат региональной легислатуры, Ярославская область.

² См. подробнее: Исторические поселения // Туристический портал Ярославской области. – Режим доступа: <https://visityaroslavia.ru/places?categories=299> (дата посещения: 21.03.2026).

«+» – позитивное влияние фактора

«-» – негативное влияние фактора

Рис. 1.

Факторы выбора регионом стратегии проведения муниципальной реформы

Заключение

Настоящая статья ставит вопрос о факторах, которые обуславливают сохранение институционального многообразия регионов России в условиях централизации. В этом отношении муниципальная реформа 2020–2025 годов предоставляет новый эмпирический материал, позволяющий дать ответ на обозначенный вопрос и внести вклад в более широкую научную дискуссию о причинах асимметричного институционального дизайна современных государств. Анализ литературы по исследуемому вопросу демонстрирует нехватку актуальных теорий, объясняющих институциональное многообразие в контексте централизации. Еще меньше теорий, которые учитывают специфику российского случая. Поэтому на первом этапе решения исследовательской проблемы необходима не столько проверка существующих теорий, сколько выявление новых факторов институционального многообразия российских регионов.

Результаты, полученные в ходе реализации этого начального этапа, отражены в данной статье.

Полевое исследование в двух регионах России (Ярославской области и Дагестане) позволило собрать необходимые эмпирические данные. Посредством анализа собранных экспертных интервью были выделены три основных фактора, влияющие на выбор стратегии проведения муниципальной реформы. Это факторы структурного порядка: поселенческий, этнокультурный и экономический. Важно отдельно отметить, что прошлые исследования причин институционального многообразия маркируют экономический и политический (электоральный) факторы в качестве главных объяснительных переменных, в то время как поселенческий и этнокультурный факторы не находят отражения в разработанных теориях асимметричной централизации. Настоящая статья вносит вклад в научную дискуссию о факторах многообразия институциональных порядков на региональном и локальном уровнях, обосновывая учет поселенческого и этнокультурного контекста территорий. В этом заключается актуальность и новизна проведенного исследования.

Однако представленная статья является лишь первой попыткой научного анализа исследуемой проблемы на эмпирическом материале современной России. Выявление указанных факторов опирается на изучение ситуации в двух регионах, что выступает очевидным ограничением проведенного исследования. Перспективы дальнейшей работы видятся в использовании выявленных факторов для формулирования более строгих научных гипотез, операционализации переменных и тестировании выдвинутых гипотез на базе широкой выборки регионов. Это позволит эмпирически проверить эвристическую ценность выделенных факторов и измерить возможность генерализации ключевых выводов данного исследования.

S.N. Shkel, V.D. Dmitrieva, A.Yu. Shvaya*
**Factors of institutional diversity in Russia's regions:
the case of transition to a single-tier local government model
in 2020–2025¹**

Abstract. The most recent wave of municipal reform in Russia was conceived as a further step toward the centralization and standardization of the country's institutional design. Contrary to these intentions, however, the reform resulted in the persistence of significant institutional variation at the subnational level. This article examines the determinants shaping regional elites' choices between alternative models of municipal governance—specifically, single-tier and two-tier systems—and advances a theoretical explanation for this observed diversity. The study employs a comparative case analysis of two Russian regions, Yaroslavl Oblast and the Republic of Dagestan, which exemplify divergent approaches to municipal organization. The research uses thirty semi-structured expert interviews as an empirical foundation. The analysis identifies three principal factors influencing the selection of municipal institutional models: social-settlement structures, ethnocultural configurations, and economic conditions. Beyond categorizing these factors, the article elucidates the causal mechanisms through which they shape reform outcomes, as reflected in regional choices of local governance arrangements. The findings contribute to a deeper understanding of the internal logic of institutional reform in Russia and offer broader insights into the determinants of asymmetric institutional design in contemporary states.

Keywords: political institutions; institutional design; institutional reforms; subnational politics; local politics; municipal governance; regions of Russia.

For citation: Shkel S.N., Dmitrieva V.D., Shvaya A.Yu. Factors of institutional diversity in Russia's regions: the case of transition to a single-tier local government model in 2020–2025. *Political science (RU)*. 2026, N 3, P. 177–205. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2026.03.09>

* **Shkel Stanislav**, The Sociological Institute of the RAS – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia), e-mail: stas-polit@yandex.ru; **Dmitrieva Valeria**, The Sociological Institute of the RAS – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia), e-mail: ms.valeria.spb@mail.ru; **Shvaya Andrey**, The Sociological Institute of the RAS – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia), e-mail: andrewshvaya@gmail.com

¹ The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation № 25-28-02310, «Asymmetric recentralization: the logic of partial reforms at the local level in contemporary Russia». Link to the Project information: <https://rscf.ru/project/25-28-02310/>

References

- Aksztejn W., Lackowska M., Krukowska J., Łukasz M. The multiple faces of recentralization: a typology of central-local interactions. *Journal of urban affairs*. 2022, Vol. 46, N 7, P. 1329–1349.
- Brancati D. Decentralization: fueling the fire or dampening the flames of ethnic conflict and secessionism? *International organization*. 2006, Vol. 60, N 3, P. 651–685.
- Dickovick T.J. *Decentralization and recentralization in the developing world: comparative studies from Africa and Latin America*. Pennsylvania: Pennsylvania state university press, 2011, 248 p.
- Elazar D.J. *Exploring federalism*. Tuscaloosa and London: University of Alabama press, 1987, 336 p.
- Erk J. *Explaining federalism: state, society and congruence in Austria, Belgium, Canada, Germany, and Switzerland*. London and New York: Routledge, 2008, 182 p.
- Farukshin M.Kh. *Federalism: theoretical and applied aspects*. Moscow: Yurist, 2004, 527 p. (In Russ.)
- Gadzhiev K.S. Russian Federation: nation state or state of nations? *Polis. Political studies*. 2018, N 3, P. 130–146. (In Russ.)
- Gerring J. *Case study research: principles and practices*. Cambridge: Cambridge university press, 2007, 265 p.
- Glaser B., Strauss A. *The discovery of grounded theory: strategies for qualitative research*. New Brunswick; London: Aldine transaction, 2012, 282 p.
- Golosov G.V. The regional root of electoral authoritarianism in Russia. *Europe-Asia studies*. 2011, Vol. 63, N 4, P. 623–639.
- Graney K. *Of Khans and Kremlins: Tatarstan and the future of ethno-federalism in Russia*. Larham: Lexington books, 2010, 226 p.
- Hale H.E. *The foundations of ethnic politics: separatism of states and nations in Eurasia and the world*. Cambridge: Cambridge university press, 2008, 282 p.
- Hooghe L., Marks G. Unraveling the central state, but how? Types of multi-level governance. *American political science review*. 2003, Vol. 97, N 2, P. 233–243.
- Ibragimov M.A., Egorov V.K. Conflict-generating aspects of the land issue in Dagestan. *Federalism*. 2014, N 4, P. 109–122. (In Russ.)
- Kahn J. *Federalism, democratization, and the rule of law in Russia*. New York: Oxford university press, 2002, 326 p. (In Russ.)
- Kaspe S.I. Constructing a federation – Renovatio Imperii as a method of social engineering. *Polis. Political studies*. 2000, N 5, P. 55–69. (In Russ.)
- Lankina T.V. *Governing the locals: local self-government and ethnic mobilization in Russia*. London: Rowman & Littlefield publishers, 2006, 232 p.
- Lijphart A. *Democracy in plural societies: a comparative explorations*. Moscow: Aspect Press, 1997, 287 p. (In Russ.)
- Lopez-Murcia J. *Recentralisation in Colombia*. Cham: Palgrave Macmillan, Springer Nature Switzerland AG, 2022, 242 p.
- Meguid B. Transferring power to maintain control: decentralization as a national-level electoral strategy in Western Europe. *World politics*. 2024, Vol. 76, N 1, P. 1–37.
- Nikovskaya L.I., Yakimets V.N. Municipal public policy in the context of local self-government reform. *Political expertise: POLITEX*. 2024, Vol. 20, N 1, P. 4–22. (In Russ.)

- Oates W.E. *Fiscal federalism*. New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1972, 249 p.
- Pantin V.I., Lapkin V.V. Ethnopolitical and ethnosocial processes in the Post-Soviet space (on the example of Russia, Belarus, Kazakhstan and Ukraine). *Polis. Political studies*. 2015, N 5, P. 75–93. (In Russ.)
- Reisinger W.M., Moraski B.J. *The regional roots of Russia's political regime*. Ann Arbor, Michigan: University of Michigan press, 2017, 320 p.
- Rodden J. *Hamilton's paradox: the promise and peril of fiscal federalism*. Cambridge: Cambridge university press, 2010, 317 p.
- Roeder P.G. *Where nation-states come from: institutional change in the age of nationalism*. Princeton: Princeton university press, 2007, 440 p.
- Ross C. *Federalism and democratization in Russia*. Manchester and New York: Manchester university press, 2002, 182 p.
- Sharafutdinova G. *Political consequences of crony capitalism inside Russia*. Notre Dame: University of Notre Dame press, 2011, 292 p.
- Shkel S.N. Asymmetric centralization: the logic of selective reforms at the local level in contemporary Russia. *Polity: analysis. Chronicle. Forecast (Journal of political philosophy and sociology of politics)*. 2025, Vol. 118, N 3, P. 58–79. (In Russ.)
- Stepan A. Federalism and democracy: beyond the U.S. model. *Journal of democracy*. 1999, Vol. 10, N 4, P. 19–34.
- Stoner-Weiss K. *Resisting the state: reform and retrenchment in Post-Soviet Russia*. Cambridge: Cambridge university press, 2006, 182 p.
- Tishkov V.A. *Ethnology and politics*. Moscow: Nauka, 2001, 240 p.
- Treisman D. *After the deluge: regional crises and political consolidation in Russia*. Ann Arbor: University of Michigan press, 1999, 262 p.
- Treisman D. *The architecture of government: rethinking political decentralization*. Cambridge: Cambridge university press, 2007, 348 p.
- Turovsky R.F. Russian local self-government: an agent of state power trapped in underfunding and civic passivity. *Polis. Political studies*. 2015, N 2, P. 35–51. (In Russ.)
- Watts R.L. *Comparing federal systems*. London: McGill-Queen's university press, 2008, 205 p.
- Weingast B.R. The economic role of political institutions: market-preserving federalism and economic development. *Journal of law, economics, & organization*. 1995, Vol. 11, N 1, P. 1–31.

Литература на русском языке

- Гаджиев К.С. Российская Федерация: национальное государство или государство народов? // Полис. Политические исследования. – 2018. – № 3. – С. 130–146.
- Ибрагимов М.А., Егоров В.К. Конфликтотенные аспекты земельного вопроса в Дагестане // Федерализм. – 2014. – № 4. – С. 109–122.
- Каспэ С.И. Конструировать федерацию – Renovatio Imperii как метод социальной инженерии // Полис. Политические исследования. – 2000. – № 5. – С. 55–69.
- Лейпхардт А. Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование. – М.: Аспект Пресс, 1997. – 287 с.

- Никовская Л.И., Якимец В.Н. Муниципальная публичная политика в контексте реформы местного самоуправления // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2024. – Т. 20, № 1. – С. 4–22.
- Пантин В.И., Лапкин В.В. Этнополитические и этносоциальные процессы на постсоветском пространстве (на примере России, Белоруссии, Казахстана и Украины) // Полис. Политические исследования. – 2015. – № 5. – С. 75–93.
- Тишков В.А. Этнология и политика. – М.: Наука, 2001. – 240 с.
- Туровский Р.Ф. Российское местное самоуправление: агент государственной власти в ловушке недофинансирования и гражданской пассивности // Полис. Политические исследования. – 2015. – № 2. – С. 35–51.
- Фарукишин М.Х. Федерализм: теоретические и прикладные аспекты. – М.: Юрист, 2004. – 527 с.
- Шкель С.Н. Асимметричная централизация: логика выборочных реформ на местном уровне в современной России // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). – 2025. – Т. 118, № 3. – С. 58–79.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Основная информация об экспертных интервью

Код	Статус	Регион	Формат интервью	Дата интервью
1	Член общественной палаты или организации	Дагестан	Онлайн	26.12.2025
2	Преподаватель / исследователь	Дагестан	Онлайн	20.01.2026
3	Преподаватель / исследователь	Дагестан	Онлайн	03.02.2026
4	Преподаватель / исследователь	Дагестан	Онлайн	03.02.2026
5	Преподаватель / исследователь	Дагестан	Онлайн	03.02.2026
6	Служащий муниципальной администрации	Дагестан	Онлайн	04.02.2026
7	Член общественной палаты или организации	Дагестан	Онлайн	06.02.2026
8	Представитель СМИ	Дагестан	Очно	11.02.2026
9	Депутат региональной легислатуры	Дагестан	Очно	12.02.2026
10	Депутат региональной легислатуры	Дагестан	Очно	13.02.2026
11	Служащий региональной администрации	Дагестан	Очно	13.02.2026
12	Член общественной палаты или организации	Дагестан	Очно	14.02.2026
13	Преподаватель / исследователь	Ярославская область	Онлайн	10.01.2026
14	Преподаватель / исследователь	Ярославская область	Онлайн	12.02.2026
15	Член общественной палаты или организации	Ярославская область	Онлайн	18.02.2026
16	Представитель СМИ	Ярославская область	Онлайн	20.02.2026
17	Депутат муниципального образования	Ярославская область	Очно	24.02.2026
18	Депутат региональной легислатуры	Ярославская область	Очно	25.02.2026
19	Член общественной палаты или организации	Ярославская область	Очно	25.02.2026
20	Преподаватель / исследователь	Ярославская область	Очно	25.02.2026
21	Депутат региональной легислатуры	Ярославская область	Очно	26.02.2026
22	Депутат муниципального образования	Ярославская область	Очно	26.02.2026
23	Служащий региональной администрации	Ярославская область	Очно	27.02.2026
24	Служащий региональной администрации	Ярославская область	Очно	27.02.2026
25	Служащий региональной администрации	Ярославская область	Очно	27.02.2026
26	Депутат региональной легислатуры	Ярославская область	Очно	27.02.2026
27	Депутат региональной легислатуры	Ярославская область	Очно	27.02.2026
28	Служащий муниципальной администрации	Ярославская область	Онлайн	04.03.2026
29	Служащий муниципальной администрации	Ярославская область	Онлайн	05.03.2026
30	Служащий муниципальной администрации	Ярославская область	Онлайн	06.03.2026